

**ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА. В. Д. ДНЕПРОВ:
ЖИЗНЬ, СУДЬБА, ТВОРЧЕСТВО**

ЕЛЕНА УСТЮГОВА

Елена Николаевна Устюгова — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: elena.ust@gmail.com

Статья посвящена жизненной и творческой судьбе известного эстетика и литературоведа 1960-80-х годов В. Д. Днепров. Излагаются факты его драматичной биографии и то, как они повлияли на его творчество. Критически анализируется его концепция связи категорий *творческий метод и стиль*, противопоставляющая мировоззрение и стиль в искусстве. Обсуждается полемика В. Д. Днепров с М. М. Бахтиным по поводу трактовки диалогизма в творчестве Ф. М. Достоевского. Отмечается оригинальность стиля эстетико-литературоведческого исследования Днепров, развернутого на материале творчества Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, состоящая в том, что он шел от образного строя произведений к реконструкции мировоззренческого своеобразия авторов. Предпринятый Днепровым опыт «поэтической антропологии» как образного человекознания перекликается с идеями Бахтина о междисциплинарном характере гуманитарного мышления, интегрирующего эстетику, этику и искусство. Днепров стал одним из первых в отечественном гуманитарном знании, кто реализовывал в своих исследованиях такой актуальный в современной эстетике подход.

Ключевые слова: В. Д. Днепров, М. М. Бахтин, искусство, эстетика, этика, поэтическая антропология, человековедение, междисциплинарность

FORGOTTEN NAMES. V. D. DNEPROV: LIFE, DESTINY, WORKS

Elena Ustiugova

D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of Culture Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics. St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: elena.ust@gmail.com

The article is devoted to research of life and creative destiny of a famous aesthetician and literary critic of the 1960-80s V. D. Dneprov. The facts of his dramatic biography and their influence on his works are stated. The author critically analyses his conception of the link between the categories of creative method and style, which opposes outlook and style in art. He analyzes his polemics with Bakhtin in relation to the treatment of dialogism in Dostoevsky's works. The author notes the originality of the style of the aesthetic and literary studies of Dostoevsky which was developed on the texts of L. Tolstoy and F. Dostoevsky. The main point is that the study moved from the imagistic structure of the works to the reconstruction of the philosophical originality of the authors. His experience of "poetic anthropology" as figurative human studies echoes Bakhtin's ideas about interdisciplinary humanitarian science, integrating aesthetics, ethics and art. Dneprov was among the first Russian philosophers who bring this contemporary approach to the study of aesthetics.

Keywords: Dneprov, art, aesthetics, ethics, poetic anthropology, human studies, interdisciplinarity

История науки обычно предстает как последовательность идей и подходов, отвлеченных от личности ученых, поскольку считается, что научное знание объективно и должно быть абстрагировано от экзистенциального опыта исследователя. Жизненные судьбы ученых оказываются предметом интереса только узкого круга их биографов. Биография хронологически выстраивает факты жизненного пути человека, структурируя историю его жизни в объективных обстоятельствах социальной истории, но она не затрагивает влияние этической экзистенциальной истории жизни исследователя на траекторию его интеллектуального пути. Но если историк науки ставит перед собой задачу не изложения научной позиции ученого, а интерпретации движения его мысли, то тогда неизбежным становится понимающее рассмотрение сплетения жизненного и творческого пути личности. Такому гуманитарно-историческому исследованию была посвящена книга Эриха Соловье-

ва «Прошлое толкует нас», в которой автор анализирует творческий путь мыслителей и художников прошлого, как их экзистенциальный опыт. По мысли Э. Ю. Соловьева, если рассматривать историю с точки зрения этического измерения духовной деятельности ее творческих персонажей, то окажется, что «свет из прошлого, благодаря усилию историка, начинает толковать и нашу жизнь» (Solovyov, 1992). Конечно, прежде всего это относится к деятельности ученого-гуманитария.

С этой точки зрения перипетии развития научных идей и подходов предстают не как линейное восхождение, а как зигзагообразный путь, с одной стороны, прорывов к новым горизонтам и отказов от вчерашних несомненных истин, а с другой стороны, возвращения к идеям, не оцененным в свое время. К сожалению, эти потери часто необратимы, так как авторы тех идей и подходов оказываются забытыми. Тем не менее, их актуальность обнаруживается в новых культурных контекстах, а потому возникает потребность вернуться к прошлому, способному обогатить сегодняшнее понимание.

Одно из таких незаслуженно забытых сегодня имен — Владимир Давыдович Днепров — культуролог, эстетик, литературовед, автор книг и статей, широко известных в отечественной науке в 1970–80 гг. Сведений о его деятельности почти нет, они отсутствуют даже в вездесущей Википедии, имеется только краткая справка в литературной энциклопедии и пара биографических статей: М. С. Кагана в «Энциклопедическом словаре «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век» (Kagan, 2021) и Л. Г. Ковнацкой в журнале «Art&Cult» (Kovnatskaya, 2018). К сожалению, удалось найти лишь одну фотографию Владимира Давыдовича, но те, кто бывал в 1980-х на его лекциях в ленинградском музее Достоевского, помнят благородные тонкие черты его лица и тихий голос, звучавший в замершей во внимании аудитории.

Жизнь, судьба и творчество этого человека настолько переплелись, что прежде, чем обратиться к его творческому наследию, просто необходимо рассказать о его драматичной биографии.

Днепров — это литературный псевдоним, принятие которого в конце 1950-х гг. было условием публикации трудов Владимира Давидовича Резника. Он родился в Киеве в 1902 году (умер в Санкт-Петербурге в 1992 г.). Его молодость пришлось на бурное время революции, Гражданской войны, острой политической полемики в обществе. В. Д. Резник активно участвовал в этих событиях, в 1923 г. вступил в РКП(б), потом сблизился с представителями правой оппозиции. Окончив философское отделение Института Красной профессуры в Москве, Владимир Давидович преподавал в вузах Москвы, Ленинграда, Саратова. В 1935 г. в первый раз, а потом еще неоднократно, был арестован, проведя в тюрьмах и ссылках в общей сложности 17 лет. В 1940-е гг., не имея возможности жить в столицах, В. Д. Резник преподавал историю литературы в Воронежском педагогическом институте и с тех пор серьезно занялся литературоведением. В 1942 г. он был приглашен на работу в находящийся в эвакуации в Саратове Ленинградский государственный университет, и несколько лет преподавал на философском факультете логику и историю эстетики. В 1949 г. во время кампании «борьбы с космополитизмом» и «ленинградского дела» последовали его новый арест и ссылка в Красноярский край. Несколько лет он работал ночным сторожем в рабочем поселке вплоть до амнистии, после которой он смог вернуться к преподавательской деятельности, но не в столицах, а в Борисоглебске (с 1954 г.), где были опубликованы его первые статьи по проблемам эстетики. Только выйдя на пенсию, Владимир Давидович возвратился в 1960 г. в Ленинград и полностью перешел к профессиональной литературной деятельности, был принят в Союз писателей СССР. В силу обстоятельств своей биографии, он не так уж долго, всего около 25 лет, занимался активной творческой деятельностью. Но за это время было опубликовано 7 книг и много статей о творчестве Чехова, Пруста, Кафки, Т. Манна, Стейнбека, Хемингуэя, Камю, Брехта, Вулф, Пикассо, Стравинского,

Шостаковича в журналах «Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Новый мир», «Звезда», «Литературное обозрение», «Советская музыка» (Kagan, 2021).

Творческая судьба В. Д. Днепрова была во многом predeterminedена его биографией. Если бы не аресты, ссылки и фактические запреты на профессию философа, теоретика культуры, она скорей всего сложилась бы иначе. Но все же его приход в литературоведение и культурологию не был данью внешним причинам. Человек, прошедший столь драматичный путь, получил огромный экзистенциальный опыт, обрел жизненную мудрость и глубину самопонимания, сформировавших уникальный стиль его искусствоведческих работ. В нем сплелись тончайший анализ духовных, нравственных смыслов художественных произведений с размышлениями об историческом времени, пронизывающем художественную материю, филигранный психологизм интерпретации литературных героев, глубина трактовок творческих индивидуальностей авторов — с взглядом на культурный контекст художественного процесса в целом. На мой взгляд, в оценке его творчества сегодня наиболее ценно именно богатство его этических и психологических интерпретаций литературы, ставшее следствием его экзистенциального опыта. Какие-то аспекты творческого наследия В. Д. Днепрова сохраняют свою ценность и для нашего времени, а что-то представляет интерес как самобытное явление в истории отечественной науки.

В его сочинениях, посвященных искусству, можно выявить два основных направления: теоретическую эстетику, обращенную, прежде всего, к исследованию исторических закономерностей художественного формообразования сквозь призму проблемы типологии методов и стилей и их соотношения, и специфический жанр литературоведения, в основе которого лежит этический анализ литературы, выявляющий ее познавательный смысл для человековедения вообще. В советской эстетике 1960-х — 80-х годов идеи В. Д. Днепрова и стиль его мышления привлекали исторической панорамностью, философской контекстуальностью, логической стройностью. В созданной им концепции типологии соотношения творческого метода и стиля открывалось пространство сложных

закономерностей художественного развития. В начале XX в. центральным звеном исследований историко-художественного процесса была категория стиля. Пытаясь связать традиционное для европейского искусствознания представление об истории искусства как истории стилей с марксистским материалистическим пониманием истории, большинство исследователей того времени проецировало модель общественно-экономических формаций на художественное формирование, в результате чего историческое движение искусства представало как прямое воплощение социологических законов. В 1930-е гг. такая позиция была подвергнута критике в официальной эстетике и названа «вульгарным социологизмом». Ей на смену пришел марксистский вариант гносеологической трактовки искусства. Главной категорией, при помощи которой объяснялась трансформация социально-экономического содержания в художественные формы, стал «творческий метод», детерминированный социально-идеологическим мировоззрением. Такая позиция надолго утвердилась в советской эстетике, и только в 1960-е годы наметился переход от этой идеологизированной парадигмы к другой, в которой обращалось внимание и на так называемую «относительную самостоятельность» искусства по отношению к обществу.

В своих работах 1960–70-х гг. («Проблемы реализма», «Идеи времени и формы времени») В. Д. Днепров стремился выйти за рамки принятой в советской эстетике жесткой схемы: «общественно-экономическая формация — мировоззрение — творческий метод — стиль», обратившись к внутренним закономерностям художественного развития. В историческом многообразии концепций художественной реальности он выявил два чередующихся типа творческих методов — идеализирующий и реалистический. Предложенное Днепровым структурирование историко-художественного процесса было вариацией концепции цикличности развития искусства, распространенной в XIX–XX вв. Согласно А.Риглю, в истории сменяют друг друга тактильные и оптические формы, по В. Воррингеру — абстракция и вчувствование, по П. Сорокину, — культуры чувственного и идеационального типов.

Высказывались также предположения, что история искусства движется между полюсами романтизма и реализма (Bazin, 1994). В рамках концепции цикличности истории искусства можно считать оригинальной идею Днепров о том, что идеализирующий и реалистический типы художественного мышления обладают своими специфическими возможностями стилеобразования. Так, художественное сознание, исходящее из принципа идеализации, опирающейся на базовую нормативную идею, порождает обобщенные стилевые формы (как например, классицизм), а реалистически ориентированные методы осмысления мира вырабатывают разнообразные индивидуальные стили (Dneprov, 1980). В 1970-е годы в работе «Идеи, страсти, поступки» В. Д. Днепров предложил также типологическую дихотомию аналитических и синтезирующих стилей формообразования: в основе первых лежит форма-прием, а вторые представляют собой равнодействующую разнообразных приемов и форм (Dneprov, 1978). Такая позиция, говорящая о невыводимости искусства напрямую из социально-экономических и идеологических предпосылок, на фоне тогдашней марксистско-ленинской эстетики воспринималась как «глоток свежего воздуха» и стимулировала дальнейшие исследования в этом направлении (о чем тогда писали М. С. Каган, М. П. Храпченко, Т. П. Знамеровская).

Вместе с тем сегодня очевидно, что теоретические взгляды В. Д. Днепров не выходили все же за пределы существующей модели цикличности, а также марксистской интерпретации гносеологизма, с присущим ему теоретико-методологическим схематизмом. Разделение и противопоставление категорий «содержание» и «форма», «творческий метод» и «стиль» неизбежно приводило к разрушению целостной эстетической природы искусства, эстетической целостности художественного смысла. Следствием утверждения доминирующей роли мировоззрения, то есть рационального источника процесса художественного творчества, стало расчленение художественной деятельности на ряд последовательных процедур: сначала познание, обобщение, оценка, а потом — форма, прием, стиль. Содержание трактовалось как выражение мировоззрения, а форма, стиль — как его производное, то есть формообразова-

ние попадало под рациональный контроль, а не проистекало из глубины художественно-образного, эстетически целостного творческого мышления.

Предложенная В. Д. Днепровым в работе «Идеи времени и формы времени» (Днепров, 1980) дуальная модель исторического развития искусства — «идеализирующие и типизирующие методы» — вызывает множество вопросов, не получающих ответа. Так, если признать, что в основе общих стилей лежат идеализирующие способы обобщения, которые, в свою очередь, строятся на нормативной идее, остается непонятным, какова, например, мировоззренческая нормативность романтизма или символизма, проповедовавших свободу творческого воображения и интуицию? А с другой стороны, разве не был нормативен социалистический реализм, отнесенный автором к разряду типизирующих методов?

Если принять точку зрения, что реализм относится к типизирующему способу обобщения, и разнообразие внутри него выражает только различие индивидуальностей в рамках общей мировоззренческой ориентации, то невозможно объяснить исключительно индивидуальными особенностями различие, например, реализма Бальзака и Чехова, Флобера и Толстого. Очевидно, что критический реализм не был единственной модификацией реалистического видения мира в XIX в. Еще в большей степени это соображение относится к разновидностям «реализма» в XX в. (от сюрреализма до гиперреализма). Очевидно, что отличие друг от друга этих художественно-образных систем состоит не в своеобразии почерка разных творческих индивидуальностей, а в несходстве художественных позиций в отношении к реальности.

Трудно согласиться также и с противопоставлением общих и индивидуальных стилей, будто бы относящихся к различным типам художественного мышления, поскольку диалектика общего и индивидуального присуща любой исторической системе стилиобразования. Так, например, средневековый религиозный канон не исключал индивидуальные стили Андрея Рублева и Феофана Грека; в фольклоре устойчивость общего стиля поддерживалась богатством индивидуальной стилистики, а выразительная мощь стиля барокко, как

эпохального образа, представала в столь различных ликах как стили Сервантеса, Веласкеса или Баха. Известно также, что не реализм, а романтизм, относящийся, согласно модели «идеализация — типизация», к первому типу, впервые утвердил в истории искусства ценность творческой авторской индивидуальности. С другой стороны, историческим типам культуры, в которых уникальность индивидуального мира, авторитет индивидуальных стилей стали самостоятельной культурной ценностью (как например, в модернизме), свойственны также и некие общие принципы формообразования, действующие внутри стилевых направлений в модернизме.

В работе «Идеи, страсти, поступки» В. Д. Днепров обстоятельно исследует различие аналитических и синтетических стилей. По его мнению, «Аналитические стили покоятся на форме-приеме, на форме-прообразе, с которым согласуется все остальное», при этом автор ссылается на примеры кубизма, сюрреализма, стили Джойса, Шенберга (Dneprov, 1978, 354). В отличие от такого типа формообразования, продолжает Днепров, единство синтетических стилей «основано не на согласованности всех форм с одной доминирующей формой-прообразом, а на способе соединения многообразных форм, ... на их равнодействующей», как например, в творчестве Пикассо, Малера, Шостаковича, Т.Манна, Фолкнера, Достоевского (Dneprov, 1978, 354)¹.

На различении аналитических и синтетических стилей строилась полемика В. Д. Днепров с М. М. Бахтиным по поводу интерпретации творчества Достоевского. Днепров считал, что стиль Достоевского относится к типу синтезирующих стилей, то есть питающихся из разных источников, а Бахтин, по его мнению, полагал диалогизм концептуальным принципом и стилеобразующим началом творчества писателя, в то вре-

¹ В современной эстетике стиль трактуется шире и чем познавательно-мировоззренческая платформа, и чем нормативная идея, и чем связь формальных элементов и приемов. Его относят к фундаментальным архитектурным пластам формообразования в культуре, на базе которых складывается целостный образ субъекта культурного творчества во взаимопроникновении мировоззрения, воображения, идеалов, ценностей, творческих действий и соответствующего языка (Ustiugova, 2006), что ближе к «бахтинскому пониманию» произведения искусства в ценностном контексте культуры.

мя, как он является лишь одним из ракурсов анализа. Исследователь выявляет сложную систему координат творчества Достоевского, особое внимание уделяя амбивалентным противоречиям мира его героев, как более сложному, чем диалог, варианту структурной организации образа. Но главное его возражение касалось бахтинской концепции полифонизма как неразрешимого диалога идей. Днепров же считает, что во всех романах Достоевского идея является центром сознания, но, проникая в сферу бессознательного, сферу чувства, она сталкивается с душевной системой личности, в центре которой находится нравственное «я» — «нравственное состояние играет роль решающего доказательства и подтверждения идейной несостоятельности, ...перенос вопроса из плоскости логической в плоскость моральную, из сферы теории в сферу поступков становится основой трагически-философского сюжета» (Днепров, 1978, 39).

В этом вопросе обнаруживается вся глубина концептуально-теоретических расхождений Днепров и Бахтина. В отличие от В. Д. Днепров, считавшего диалогизм одним из стилевых приемов, М. М. Бахтин понимал диалог как способ существования культурного, художественного смысла, как основу бытия культуры. Для него диалог — внутренняя форма культуры и, прежде всего, искусства, поэтому в полифонии романа Достоевского он видел выражение существа его авторской речи, свидетельствующее об отказе от прямого авторского слова, что стало впоследствии характерной чертой искусства XX века. Разъятие художественного сознания, образной ткани искусства на идейно-мировоззренческое содержание и эстетическую форму, было данью идеологической и гносеологической ориентации марксистской эстетики, теоретическую платформу которой в принципе разделял В. Д. Днепров и с которой не ассоциировал себя концептуально М. М. Бахтин.

Оба исследователя развивали свои теоретические позиции через материал литературы, и оба выходили далеко за пределы литературоведения, при этом анализ литературы для каждого из них имел различные исследовательские задачи. Для Бахтина разработка теории романа конкретизировала его концепцию искусства, эстетической деятельности, философии

культуры в целом. Интерес Днепров был обращен к рассмотрению нравственно-эстетического опыта литературы ради раскрытия и познания человеческой природы в ее жизненном движении. Таким образом, предметом научного интереса М. М. Бахтина была философия культуры, а Днепров — «человековедение».

Именно в этой области вклад В. Д. Днепров в гуманитарное знание и сегодня обладает несомненной научной значимостью. Он создал особый жанр гуманитарных исследований, который можно было бы назвать «поэтической антропологией», и остался в нем непревзойденным, поскольку обладал редким сочетанием таких качеств, как широта философской и художественной эрудиции, методологическое мастерство междисциплинарного анализа, позволяющее интегрировать столь разные области человековедения как социология, психология, этика, эстетика. В литературоведческих исследованиях В. Д. Днепров неразрывно соединяются филигранный анализ и эстетическая прочувствованность произведений и их героев, панорамность культурных параллелей, тонкий психологизм в понимании человека, наконец, просто личная мудрость и авторская самобытность, что позволило ему блестяще осуществить философский анализ искусства как человековедения, раскрыть его глубокий потенциал для гуманитарного познания.

Погружаясь в образный мир искусства, В. Д. Днепров анализировал литературных персонажей как реальных людей, раскрывая природу человека как сложную и противоречивую целостность, проявляющуюся в многообразии неповторимых индивидуальностей и характеров. С наибольшей полнотой это удалось сделать в анализе творчества Л. Н. Толстого в книге «Искусство человековедения» (Dneprov, 1985) и Ф. М. Достоевского в книге «Идеи, страсти, поступки» (Dneprov, 1978). Днепров указывал на полярность художественно-мировоззренческих концепций человека у Толстого и Достоевского. В произведениях Толстого личность предстает как развивающаяся в жизненном движении целостность. Писатель показывает героев в процессе самосовершенствования, в ходе которого происходит их нравственное становление. Таким образом, роман Толстого — путь к идее через нравственные

искания личности. Роман Достоевского, напротив, создает образ судьбы идей, пропущенных сквозь нравственную жизнь личности. В. Д. Днепров считал, что главный нерв творчества Достоевского — в конфликте вневременных идей, чем определяется и внутреннее развитие романа: идейный кризис ведет к нравственному перерождению, моральный поступок служит критерием идейной ценности. Исходя из этого, Днепров реконструировал концепцию личности в произведениях Достоевского, согласно которой амбивалентность имманентна идейно противоречивой, а не нравственно цельной, как у Толстого, человеческой натуре. Несходность понимания человека у Толстого и Достоевского предстает в различии внутреннего строя их романов: у Толстого это процесс, движение, развитие, а у Достоевского — напряженный драматизм.

Таким образом, В. Д. Днепров открывает возможности «поэтической антропологии» как для понимания одной из ключевых проблем эстетики и искусствознания, обозначенной в свое время М. М. Бахтиным (отношения личность — автор — герой), так и для осознания роли искусства в философском, нравственно-эстетическом, психологическом постижении человека. В этом смысле метод исследования искусства Днепрора перекликается с идеями Бахтина о том, что предметом гуманитарного мышления является междисциплинарное познание человека в единстве его нравственных, идейных и эмоциональных устремлений, в единстве его поступков и мотиваций сознания и подсознания, а искусство, как образное человекознание, открывает недоступные теоретическому познанию закономерности жизни личности в мире культуры. В. Д. Днепров стал одним из первых в отечественной гуманитарной науке, кто реализовывал в своих исследованиях междисциплинарный подход, направленный на интеграцию культурологии, эстетики, этики и искусства. Такая методология оказывается актуальной и востребованной в современных культурологических и эстетических исследованиях, пытающихся преодолеть прошлую разобщенность наук о человеке. Поэтому сегодня опыт «поэтической антропологии» Днепрора, предпринятый им в 1970–80-х гг., заслуживает внимания современных эстетиков и искусствоведов.

В. Д. Днепроv — человек драматичной, даже трагической судьбы, прошел сложный путь духовных, идейных исканий. Линия жизни привела его к литературоведению и эстетике, и через эту деятельность он выражал себя как философ и как личность с глубоким интеллектом и широкой научной эрудицией, эмоциональным богатством, тонкостью чувств, любовью к искусству. Полнота человеческой натуры В. Д. Днепрова стала основой самобытности его творческой индивидуальности и обеспечила то особое место, которое он занимает в искусствознании и эстетике. Творческий вклад В. Д. Днепрова в отечественное гуманитарное знание убеждает в том, что для этой сферы глубина и разносторонность личности исследователя не менее важны, чем профессионализм в той или иной области науки.

Библиография В. Д. Днепрова

1. Днепроv В. Д. Проблемы реализма. — Москва: «Советский писатель», 1961.
2. Днепроv В. Д. Черты романа XX века. — Москва, Ленинград: «Советский писатель», 1965.
3. Днепроv В. Д. Литература и нравственный опыт человека: Размышления о современной зарубежной литературе. — Ленинград: «Советский писатель», 1970.
4. Днепроv В. Д. Идеи. Страсти. Поступки: Из художественного опыта Достоевского. — Ленинград: «Советский писатель», 1978.
5. Днепроv В. Д. Идеи времени и формы времени. — Ленинград: «Советский писатель», 1980.
6. Днепроv В. Д. Искусство человековедения: Из художественного опыта Льва Толстого. — Ленинград: «Советский писатель», 1985.
7. Днепроv В. Д. С единой точки зрения: Литературно-эстетические очерки. — Ленинград: «Советский писатель», 1989.

REFERENCES:

Bazin, J. (1994). *The history of the history of art from Vasari to the present day*. Rus Ed. Moscow: Progress Publ. (In Russian)

- Dneprov, V. D. (1978). *Ideas. Passion. Actions: From the artistic experience of Dostoevsky*. Leningrad: Soviet writer Publ. (In Russian)
- Dneprov, V. D. (1980). *Ideas of time and forms of time*. Leningrad: Soviet writer Publ. (In Russian)
- Dneprov, V. D. (1985). *The art of human studies: From the artistic experience of Leo Tolstoy*. Leningrad: Soviet writer Publ. (In Russian)
- Kagan, M. S. (2021). V.D. Dneprov. In *Encyclopedic dictionary "Writers of St. Petersburg. XX century"*. Retrieved from <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya> (In Russian)
- Kovnatskaya, L. G. (2018). A forgotten name and current works. Vladimir Davydovich Dneprov and music, *Art&Cult*, 31, 131-138. (In Russian)
- Solovyov, E. Yu. (1992). *The past interprets us. (Essays on the history of philosophy and culture)*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
- Ustiugova, E. N. (2006). *Style and culture. Experience in building a general theory of style*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University Publ. (In Russian)